

I.Y. MOROSOVA. SOCIALIST REVOLUTIONS IN ASIA.
THE SOCIAL HISTORY OF MONGOLIA IN THE TWENTIETH CENTURY.
L.–N.Y.: Routledge, 2009. 173 p.
(Central Asian Studies)*

© 2010

М.И. ГОЛЬМАН

Социальная история Монголии XX в. полна драматизма: страна пережила три революции, три смены общественного строя и пять форм государственного устройства. Попытка разобраться и объективно представить процесс социальной трансформации монгольского общества в этих условиях делает честь любому исследователю, тем более молодому, каковым является автор рецензируемой монографии Ирина Юрьевна Морозова. Выпускница монгольского отделения историко-филологического факультета стран Азии и Африки МГУ, она уже проявила себя серьезным и творчески активным ученым, имеющим впечатляющий опыт исследовательской и педагогической работы. Еще до блестящей защиты в 2002 г. в ИСАА кандидатской диссертации на близкую тему, которая в значительно расширенном, обновленном и дополненном виде легла в основу шести из восьми глав настоящей работы, она опубликовала на английском языке монографию “Коминтерн и революция в Монголии” (Cambridge, 2002) и приступила к чтению лекций по проблемам Центральной Азии и Монголии. В настоящее время И.Ю. Морозова – лектор МГУ и одновременно научный сотрудник Международного института по изучению Азии Лейденского университета.

На сегодняшний день в научном багаже И.Ю. Морозовой две монографии, более дюжины аналитических статей, разработок, рецензий, докладов на многочисленных научных форумах и других публикаций. Их автору свойственны глубокое проникновение в предмет исследования, умение выявлять, собирать, анализировать и обобщать огромный фактический материал, не в последнюю очередь полевой, способность генерировать новые идеи и положения.

Эти особенности творческого почерка И.Ю. Морозовой нашли отражение в рецензируемой монографии. Ее достоинства прежде всего в солидной источниковедческой и историографической базе, в привлечении массы новых документальных данных, почерпнутых почти из всех основных исторических архивов России и Монголии, в широком использовании результатов проведенных во время многократных командировок автора в Монголию социологических опросов и интервью с представителями всех социальных слоев современного монгольского общества. Отсюда фактологическая насыщенность исследования, детализация при оригинальной интерпретации ряда ранее известных событий.

Весьма эрудированно выглядит обширный критический обзор. “Историография социалистической Монголии” (глава 1). В нем четко показано, что советско-монгольская и западная литература по политической и социальной истории страны периода существования МНР носила идеологизированный, тенденциозный характер, а после 1990 г. в Монголии, России и частично на Западе идет плодотворный процесс пересмотра доперестроечных концепций и положений.

Плодотворным и интересным представляется сравнительно-исторический и структуралистский подход И.Ю. Морозовой к анализу коренных перемен в монгольском обществе. Так, автор считает, что «революционные изменения и переход к “некапиталистическому пути развития” в 20–40 гг. XX в. не были чем-то существенно новым, а явились результатом слияния традиционных системных и внешних факторов» (р. 2).

Вообще, идея взаимопроникновения и взаимодействия внутренних системообразующих факторов, прежде всего основы основ целостности монгольского общества во все времена – кощевое пасторализма и привнесенных извне новаций как двигательного стержня социальной и политической истории Монголии XX в. красной нитью проходит через всю работу.

Структура монографии представляется вполне логичной и правильно отражает сущность и особенности основных этапов развития социальной истории Монголии.

Первый этап “1921–1924. Теократическая монархия и революция в Монголии” (глава 2) И.Ю. Морозова обозначила как “решающий перелом в политической истории Монголии XX в.” (р. 43). Первая Конституция МНР от 1924 г. ограничила влияние иерархов буддийской церкви –

* И.Ю. Морозова. *Социалистические революции в Азии. Социальная история Монголии в двадцатом столетии*. Лондон–Нью-Йорк: Рутледж, 2009. 173 с. (Центральноазиатские исследования).

первоначальных союзников МНРП и лишила потомственных князей политических прав. “И тем не менее, – заключает автор, – законы, декреты народного правительства, провозглашение республики и принятие Конституции не оказали существенного влияния на социальную жизнь и культуру монголов” (там же).

Второй этап “1925–1928. Рождение Монгольской Народной Республики” (глава 3) – это, с одной стороны, период укрепления республиканского строя, его репрессивного госаппарата и, конечно, МНРП, покрывшей страну сетью своих первичных ячеек, с другой – период нестабильности общественно-политической жизни, раскола и обострения политической борьбы в руководстве МНРП, грозивших отходом от революционной линии и вынужденной ориентации на СССР, что обусловило активизацию вмешательства Коминтерна во внутренние дела Монголии.

Глава 4 “1929–1932. Старый и новый монгольский террор” освещает инициированные левачким руководством МНРП, поставленным у власти Коминтерном, кампании по экспроприации собственности наследственной аристократии, высших лам и монастырей и их разрушительные последствия. «Ключевым итогом этого периода, – резюмирует И.Ю. Морозова, – было завершение перераспределения собственности. Собственность потомственных нойонов (князей) была полностью конфискована. Джасовские кампании (по ликвидации буддийской собственности. – М.Г.) разрушили экономические основы буддийской сангхи... “Левацкий эксперимент” открыл прямую дорогу к массовому террору 1937 года” (р. 81–82).

Следующий этап трансформации монгольского общества “1933–1939. Между русским коммунизмом и японским милитаризмом” (глава 5) характеризуется автором как дальнейшее продвижение Монголии по некапиталистическому пути, нарастание внешней угрозы, во многом вызванной, столкновением интересов СССР и Японии в данном регионе. Это было также время ликвидации буддийской церкви и лам как сословия, возвышения Х. Чойбалсана и массовых репрессий, коснувшихся всех слоев населения Монголии, включая партийные, государственные и военные кадры, еще большего сближения с СССР и повышения его руководящей роли. Автор считает, что к концу этого периода “...структурно Монголия уже стала новым обществом, но экономически она существенно не изменилась: кочевое скотоводство все еще определяло внутреннюю жизнь и связи между людьми” (р. 101).

В главе 6 “1941–1945. Монгольское аратство и Вторая мировая война” автор характеризует положение аратских масс как очень тяжелое и объясняет это не только тяготами военного времени, связанными с некоторым ослаблением советских поставок и оказанием СССР посильной помощи, с ужесточением государственно-партийного контроля над аратскими хозяйствами и местными органами власти, путем в частности, введения системы принудительных обязательств по поставкам государству скота и животноводческой продукции, а также с атмосферой страха и апатии, царивших в стране после разгула террора в конце 1930-х гг.

В социальном плане главным итогом этого периода явилось начало формирования партийно-государственной номенклатуры, а во внешнем – признание де-юре независимости Монголии со стороны Китая, борьба за обретение которой была “...одним из ключевых факторов, определившим ход истории Монголии в XX в.” (р. 9).

В главе 7 “1946–1952. Социалистический нomaдизм” начальный этап послевоенного развития МНР рассматривается автором как период диктатуры и культа личности Х. Чойбалсана, эпизодического продолжения репрессий и охвата всего населения идеологической обработкой, с одной стороны, и негласным надзором – с другой, как время перехода к планированию экономики, становления прослойки рабочих и начала широкого кооперирования аратства, т.е. утверждения “социалистического нomaдизма”. Для социальной трансформации в эти годы “ключевое значение имели расширение сферы массовой культуры и образования и возвращение новой национальной интеллигенции” (р. 132). По существу, в этот период были созданы основы социализма: плановая экономика, полная монополия МНРП на власть, ее превращение, как считает автор, по целям, структуре, стратегии и тактики в копию КПСС, а ее руководящих кадров в центре и на местах – в привилегированный слой партийно-государственной номенклатуры, господство марксистско-ленинской идеологии. В итоге к концу 1950-х гг. традиционная Монголия окончательно превратилась в социалистическую МНР, получившую международного признание первоначально в рамках социалистического блока во главе с СССР.

В Заключении (глава 8) автор сжато, штрихами обозначает главные социальные изменения и направления развития социализма в 1950–1980 гг. в Монголии: укрепление кооперативного строя в худоне (на селе), начало индустриализации и урбанизации, внедрение материальных и моральных стимулов к труду и системы социального обеспечения и тому подобное и несколько

более подробно останавливается, на лидирующей роли отказавшейся от коммунизма МНРП в переходе страны к демократии и рынку в 1990–2006 гг.

На мой взгляд, достаточно достоверная картина социальной истории Монголии в прошлом столетии выглядела бы еще более яркой и точной, если бы И.Ю. Морозова показала, как это делает, например, несправедливо критикуемый ею С.К. Рошин (р. 32), объективную обстановку и причины, социальную сущность противоборства МНРП и Ревсомола, “правых” и “левых”, в руководстве партии в 1920–е гг., более тесную органическую связь между событиями в МНР и СССР в 1930–1940-х гг., а также нарастание кризисных явлений в монгольском обществе в 1960–1980 гг., обусловивших победу демократической революции 1990 г.

Можно согласиться с авторским “longue durée” подходом, ее стремлением найти исторические корни описываемых событий и структурных изменений, в том числе в живучести традиций, имманентно присущих кочевому обществу, в частности, насилии как способе добычи средств к существованию и устранения политических соперников, объединении вокруг сильной личности, уважении к власти и ее представителям, будь то хан или нойон в прошлом или современный начальник, коллективизме в быту и др.

Однако старый как мир афоризм, что все новое есть хорошо забытое старое, не всегда применим и потому некоторые исторические параллели, вытекающие из текста, например, о схожести террора 1930-х гг. и “авторитарного репрессивного” режима Х. Чойбалсана (а почему не тоталитарного?) с деспотизмом Чингисхана и других монгольских ханов, с их ограблением оседлых народов, кажутся умозрительными или требуют обоснования, а не простого декларирования.

Весьма спорным до сих пор остается вопрос о так называемом едином фронте монгольских революционеров, высшего духовенства и князей в период проведения и первых лет революции, в существовании которого автор не сомневается. Думаю, что правильнее было бы говорить о своеобразной тактике Монгольской народной партии (с 1925 г. – МНРП) по временному привлечению и прагматическому использованию отдельных представителей этих непримиримо враждебных новой власти слоев монгольского общества для реализации реформ, с самого начала нацеленных против них и прежде всего на социальное освобождение всех категорий до революции 1921 г. экономически зависимого и политически бесправного аратства, а именно: аратов албату – податных или сомонных, аратов хамжилга – вовсе не рабов (р. 40), а дворовых, княжеских и аратов шаби, приписанных к монастырям и к богдо-гэгэну. Именно это составляло суть уже самых первых законов, декретов и постановлений народного правительства. Так что высшие ламы и потомственные князья вряд ли были “ключевыми пособниками революционных перемен” (р. 136).

Проводя идею насилия, террора как своего рода стержня, повивальной бабки социальных преобразований в Монголии вплоть до конца 1940-х гг., автор упускает одну из важных причин этого. Дело в том, что руководители Монголии являлись не только верными исполнителями воли и директив Коминтерна и руководства СССР, а зачастую бежали впереди паровоза, были или хотели быть более радикальными “революционерами”, чем их коминтерновские и советские учителя, наставники и спонсоры. Так было во времена принудительной коллективизации в начале 1930-х гг., когда левачи насильно насаждали не только колхозы, но и коммуны. Так было и во время развязанного Х. Чойбалсаном геноцида против своего народа в конце 1930-х гг., идеологических чисток и кампаний времен правления Ю. Цеденбала в 1952–1984 гг.

Все эти замечания несколько не умаляют значимости и достоинств исследования, проведенного И.Ю. Морозовой. Она написала нужную, полезную и интересную монографию.